

Моральные философии Ф.М. Достоевского

и А.Д. Градовского: общее и различное¹

Moral philosophies of F. M. Dostoevsky and A. D. Gradovsky: the common and the different

Ли Тяньюнь

Канд. филос. наук, доцент, Хэбэйский Северный Университ

e-mail: litianyun19920616@foxmail.com

Li Tianyun

Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Hebei North University

e-mail: litianyun19920616@foxmail.com

Кудрин С.К.

Независимый исследователь

e-mail: ward_93@mail.ru

Kudrin S.K.

Free Researcher

e-mail: ward_93@mail.ru

Аннотация

В 1880 г. Фёдор Михайлович Достоевский опубликовал «Пушкинскую речь». Спустя небольшой промежуток времени, в том же году, Александр Дмитриевич Градовский, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета, написал критическую статью на «Пушкинскую речь» Достоевского под названием «Мечты и действительность...». Эта критика породила большой интерес к Достоевскому. Последний пространно ответил Градовскому в «Придирке к одному случаю». Дискуссии между Ф.М. Достоевским и А.Д. Градовским произвели множество размышлений о моральной философии. Оба деятеля культуры считали, что проблемы моральной философии тесно связаны с проблемами политической философии. Но в отношении личной нравственности и общественной у Фёдора Достоевского и Александра Градовского были серьёзные разногласия. Великий отечественный писатель полагал, что русское общество будет постепенно совершенствоваться за счёт постоянного улучшения личной нравственности каждого человека. В свою очередь, крупный учёный-юрист, подданный Российской империи, заявлял, что только посредством непрерывного преобразования общественной нравственности русское общество сможет действительно встать на путь развития.

¹ Исследование осуществляется при поддержке Государственного комитета КНР в рамках «Государственной программы для аспирантов, посылаемых государством на учебу в зарубежные престижные университеты».

Ключевые слова: Фёдор Михайлович Достоевский; Александр Дмитриевич Градовский; «Пушкинская речь»; личная нравственность; общественная нравственность.

Abstract

In 1880, Fyodor Mikhailovich Dostoevsky published "Pushkin's Speech". A short time later, in the same year, Alexander Dmitrievich Gradovsky, a professor at the Law Faculty of St. Petersburg University, wrote a critical article on Dostoevsky's "Pushkin's Speech" entitled "Dreams and Reality...". This criticism has generated a great deal of interest in relation to Dostoevsky. The latter responded to Gradovsky lengthily in "A nag to a single case". The discussions between F.M. Dostoevsky and A.D. Gradovsky produced many reflections on moral philosophy. Both cultural figures believed that the problems of moral philosophy are closely related to the problems of political philosophy. But with regard to personal morality and public morality, Fyodor Dostoevsky and Alexander Gradovsky had serious disagreements. The great domestic writer believed that Russian society would be gradually improved by the constant improvement of personal morality of each person. In turn, the major legal scholar, a subordinate of the Russian Empire, declared that only through the continuous transformation of public morality could Russian society really take the path of development.

Keywords: Fyodor Mikhailovich Dostoevsky; Alexander Dmitrievich Gradovsky; "Pushkin's Speech"; personal morality; public morality.

В 1880 г. Достоевский прочитал знаменитую «Пушкинскую речь». Большая часть реакции на это выступление в российском обществе была дружелюбной. Но были и другие мнения. Сам Фёдор Михайлович мало обращал внимания на большинство возражений. Лишь критический отклик профессора юридического факультета Петербургского университета Александра Дмитриевича Градовского вызвал сильный интерес Ф. Достоевского. Ф.М. написал большую статью на критику А. Градовского. Позже последний также ответил первому. Однако ответная статья русского теоретика права не была опубликована вплоть до XXI в. [1]. Разгоревшаяся дискуссия между великим литератором и учёным-правоведом отражает многие их мысли по поводу моральной философии. Теперь мы рассмотрим моральные философии Достоевского и Градовского и выделим их фундаментальные сходства и различия при помощи написанных ими статей. Мы последуем Фёдору Михайловичу и Александру Дмитриевичу, чтобы исследовать вопросы этой философии, начиная с реальных политических проблем. Далее мы остановимся на различении личной нравственности и общественной нравственности, проведённом обоими дискутирующими.

1. Реальная основа моральной философии

В качестве введения надо отметить, что особым было то, как именно Ф.М. Достоевский и А.Д. Градовский обсуждали вопросы моральной философии. И первый, и второй остро осознавали, что эти вопросы вытекают из таковых в политической философии. Поэтому оба единогласно начали с вопросов политической философии и затем стали обсуждать таковые в моральной. Первым вопросом, который им предстояло решить, был вопрос «народной правды». Достоевский считал, что главное различие между ним и

Градовским лежит в «народной правде». Известно, что оба выступали за «народную правду», но по-разному понимали её. Давайте сначала посмотрим на взгляд великого литератора на неё.

Фёдора Михайловича, как и большинство русских мыслителей, очень волновал вопрос «правды». Он считал, что так называемая «правда» есть православная правда. Согласно Достоевскому, «правда» — это, прежде всего, религиозная категория. При этом знаменитый русский писатель не отрицал космополитичный характер правды в науке и технике. Даже наиболее коренным русским сначала необходимо изучить самые передовые науки и технологии Европы, чтобы принести пользу своему народу. Что же касается правды религиозных убеждений, то между странами и народами существуют различия. Первое, во что должна верить любая страна или народ — это в своего бога. Для Достоевского не существует такого понятия, как универсальное христианство. Этот момент Фёдор Михайлович подробно обсудил в романе «Бесы» устами главных героев Николая Ставрогина и Ивана Шатова [2, С.196-203]. Он написал:

«Но ведь под просвещением я разумею (думаю, что и никто не может разуметь иначе) — то, что буквально уже выражается в самом слове «просвещение», то есть свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни. Если так, то позвольте вам заметить, что такое просвещение нам нечего черпать из западноевропейских источников за полнейшим присутствием (а не отсутствием) источников русских» [3, с.150].

По мнению Достоевского, у русской нации есть своё понимание христианской истины. Оно отличается от католицизма, протестантизма и от византийского христианства. Обсудим это ниже в данной статье. Первое же, что можно подтвердить — то, что Достоевский отрицал истину за двумя основными ветвями христианства в западной церкви: католичеством и протестантизмом. Фёдор Михайлович утверждал:

«Да, на Западе воистину уже нет христианства и церкви, хотя и много ещё есть христиан, да и никогда не исчезнут. Католичество воистину уже не христианство и переходит в идолопоклонство, а протестантизм исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, текущее, изменчивое (а не вековечное) нравоучение» [3, с.151].

Исходя из выше приведённой цитаты, Достоевский, как русский писатель, был крещёным православным христианином и, конечно, не отождествлял себя ни с католичеством, ни с протестантизмом. Но отождествлял ли себя Фёдор Михайлович всей душой с Русской Православной Церковью? На наш взгляд, нет. Хотя Достоевский отрицал, что христианская истина включает в себя католичество и протестантизм, он также не признавал, что византийское христианство представляет собой истину. Русский мыслитель XIX в. писал:

«И что в том, что народу мало читают проповедей, а дьячки бормочут неразборчиво, — самое колоссальное обвинение на нашу церковь, придуманное либералами, вместе с неудобством церковнославянского языка, будто бы непонятного простолюдину (а старообрядцы-то? Господи!). Зато выйдет поп и прочтет: «Господи, владыко живота моего» — а в этой молитве вся суть христианства, весь его катехизис, а народ знает эту молитву наизусть» [3, с.151].

Тем самым, заметно, что Достоевский принимал лишь народное православие. Что касается русской официальной церкви, как и всего её духовенства, то можно сказать, что

великий литератор относился к ним довольно критично. Мы утверждаем, что Ф.М. Достоевский, подобно Л.Н. Толстому, В.В. Розанову и Д.С. Мережковскому, пытался отыскать «новое религиозное сознание» [4]. Это «новое религиозное сознание», конечно, уникально для русской нации и может быть понято только русскими интеллектуалами. Но в то же время Фёдор Достоевский также уверял:

«Я его знаю: от него я принял вновь в мою душу Христа, которого узнал в родительском доме ещё ребёнком и которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в «европейского либерала» [3, с.152].

Стоит отметить, что, как и герой «Записок из мертвого дома», Достоевский впервые соприкоснулся с формой церковного христианства на каторге. Однако позднее «новое религиозное сознание», выработанное самим писателем, явно отличалось от формы этого христианства. Что касается переосмысления христианства Ф.М. Достоевским, то яснее всего это можно увидеть во «Сне смешного человека» [5, С. 94-121]. Фёдор Михайлович сообщает нам, что в будущем рода человеческого государство и церковь будут упразднены, а человечество станет богочеловечеством.

В отличие от этого А.Д. Градовский считал, что «народная правда» — это не что иное, как сильное национальное государство, а не православная истина. Русский учёный-правовед уверял, что «истина», которая действительно может принести пользу людям, — это улучшение политической системы национального государства. Александр Дмитриевич заметил:

«Тогда выступит в полном блеске «народная правда», на этот раз уже не скрытая и не спрятанная под семью замками, а сияющая, как солнце. Тогда не будет уже места и скитальцам, или, лучше сказать, им будет место за общим народным трудом» [6, с.382].

Достоевский и Градовский не отрицали «народную правду». В этом пункте между ними нет существенной разницы. Видно, что критика первым второго за отход от «народной правды» кажется необоснованной.

Напротив, в ответной статье русского литератора-мыслителя есть формально-логическая сложность. Даже возникает ощущение, что в ней Фёдор Михайлович сам себе противоречит. Но на самом деле Ф.М. Достоевский не противоречив. С одной стороны, в ответной статье Градовскому русский писатель XIX в. решительно отстаивал «народную правду», однако, с другой стороны, он не выступал за народную демократию. Это может видаться противоречием. Достоевский в этой статье сделал предсказание и вынес предупреждение:

«Грядёт четвертое сословие, стучится и ломится в дверь и, если ему не отворят, сломает дверь. Не хочет оно прежних идеалов, отвергает всяк доселе бывший закон. На компромисс, на уступочки не пойдет, подпорочками не спасете здания. Уступочки только разжигают, а оно хочет всего. Наступит нечто такое, чего никто и не мыслит» [3, с. 167].

Нет сомнения, что читатели, знакомые с историей России, знают — предсказание Фёдора Достоевского сбылось, а предупреждение не было услышано. Из сочинений русского писателя заметно следующее: хотя он ратовал за то, что «правда» находится в руках народа, он вместе с тем решительно отрицал, что народные массы могут править страной. На самом деле Фёдор Михайлович имел в виду, что «народная правда» тождественна не демократической, а православной истине. В православии повиновение государству и монарху является минимальной политической добродетелью.

Сущностного различия между Достоевским и Градовским в этом моменте нет. Александр Дмитриевич также полагал, что власть не может принадлежать русскому народу, а должна быть у русской интеллигенции. В конечном итоге, русские интеллектуалы, пришедшие к власти, полностью изменят жизнь своей страны.

В конце переписки Достоевский и Градовский словно дискутировали о какой-то незначительной языковой игре. Второй обвинял первого: почему вы хотите, чтобы русские интеллигенты были ручными и, при этом, чтобы их народ гордился ими? Фёдор Михайлович возразил, что он этого вовсе не желал! Он отметил:

«Вообразите, г-н Градовский, что вы вашим родным детям говорите: «Дети, возвышайте дух ваш, дети, будьте благородны!» — неужели же это значит, что вы их гордости учите или что вы сами, уча их, гордитесь?» [3, С. 171].

Достоевский как будто обсуждает здесь с Градовским проблему языкового выражения. На самом деле это не так: как уже говорилось выше, Фёдор Михайлович сомневался в отстаивании народной демократии Александром Дмитриевичем. В свою очередь, второй не верил в поддержку первым этой самой демократии. Великому русскому писателю же важно было здесь не прояснить тот или иной языковой вопрос, а показать высокое духовное качество своего мировоззрения.

2. Дискуссия по поводу личной нравственности

Фёдор Михайлович Достоевский очень точно подметил раскол русского нравственного сознания на «две половины» в XIX в. — на личную нравственность и общественную. Русская религиозная философия в лице Фёдора Михайловича выступала за моральное самосовершенствование, относящееся к категории личной нравственности. Русская политическая философия же в лице Александра Дмитриевича предпочитала преобразование российского социума, относящееся к категории общественной нравственности.

Сперва рассмотрим дискуссию Ф.М. Достоевского и А.Д. Градовского о личной нравственности. Сначала великий русский писатель ответил на ключевую претензию Градовского. Второй критически спрашивал первого: можно было бы отменить крепостное право, если бы улучшилась личная нравственность помещиков? Разве отмена крепостничества не требует решения государства? Нет сомнений в том, что течение мысли Градовского соответствовало политическому здравому смыслу. Однако ответ Достоевского на сей вопрос был довольно оригинальным. По мнению знаменитого русского писателя, если бы личная нравственность помещиков действительно улучшилась, то крепостное право было бы фактически формальностью. Необходимость отмены крепостничества такого типа не имела бы значения. Русский литератор-классик подчёркивал:

«На это прямо ответчу: если б только Коробочка стала и могла стать настоящей, совершенной уже христианкой, то крепостного права в её поместье уже не существовало бы вовсе, так что и хлопотать бы не о чем было, несмотря на то, что все крепостные акты и купчие оставались бы у ней по-прежнему в сундуке» [3, с.162].

Фёдор Михайлович только что закончил говорить о совершенствовании личной нравственности помещиков в указанном выше тексте, а затем сразу же начал рассуждать о её конечной цели, которая состоит в том, чтобы со временем стать «новым человеком» —

так называемым «богочеловечеством» в русской религиозной философии Серебряного века. Ф.М. Достоевский писал:

«Прежняя барыня и прежний раб исчезли бы как туман от солнца, и явились бы совсем новые люди, совсем в новых между собою отношениях, прежде неслыханных. Да и дело-то совершилось бы неслыханное: явились бы повсеместно совершенные христиане, которых и в единицах-то прежде было так мало, что и разглядеть трудно было» [3, с.163].

Давайте поглядим на рассуждения Достоевского о «новом религиозном сознании». Принято считать, что концепция «нового религиозного сознания» возникла из дискуссии В.В. Розанова и Д.С. Мережковского в русской религиозной философии Серебряного века. Однако мы утверждаем, что дискуссия о «новом религиозном сознании» на самом деле началась с русских писателей Толстого и Достоевского в XIX в. Известно, что Л.Н. Толстой и Русская православная церковь обоюдно разошлись в вопросах догматов – великий романист XIX в. искал иное мировоззрение в рамках христианства, нежели церковное православие. Говоря о Ф.М. Достоевском, то после возвращения с каторги подобие церковного мировоззрения он принял настолько, что, казалось, можно было отнести его к разряду русских фундаменталистских православных писателей. Но, если внимательно прочесть тексты Достоевского, то обнаружится, что, на самом деле, Фёдор Михайлович, как и Лев Николаевич, принадлежит к представителям «нового религиозного сознания» (см., [4]).

Проблема «богочеловека» или «высшей личности», о которой Достоевский конкретно упоминал в выше представленном отрывке, постепенно начала привлекать внимание в академических кругах Российской Федерации (например, появилось несколько исследований на эту тему в первой четверти XXI в. [7; 8]). Нужно зафиксировать, что уникальное философское мировоззрение известного русского литератора не уместится в рамках церковного православия. Напротив, взгляд Достоевского ближе к «новому религиозному сознанию». В церковном православии «богочеловек» может выступать только в единственном числе (Иисус Христос). Что же касается мысли о том, чтобы все люди стали «богочеловеками», то она, очевидно, принадлежит к древней ереси — гностицизму. В церковном православии есть только одна истинная «высшая личность» — Иисус Христос. Даже так называемый «новый человек» в церковном православии может получить истинную «новую жизнь» только в Нем.

Действительно, во многих романах Достоевского зрелого периода идут разговоры о «новом человеке». Два самых известных из них можно найти в «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых». В конце «Преступления и наказания» Раскольников увидел во сне большое количество «новых людей» будущего человечества. Стоит отметить, что к их числу принадлежит и сам Раскольников, обретший новую жизнь на каторге [9, С. 416-423]. Также ближе к концу «Братьев Карамазовых» Дмитрий Карамазов, несправедливо заключенный в тюрьму, заявил, что станет «новым человеком», пережив крещение каторжным трудом [10, С. 179-183].

Так как же вопрос о богочеловечестве соотносится с вопросом личной нравственности, который обсуждали Достоевский и Градовский? Фёдор Михайлович утверждал, что мистического единения с Богом каждый может достичь собственными усилиями. При таких обстоятельствах все моральные дилеммы на земле естественным образом будут решены.

Чтобы ещё больше продемонстрировать значение личной нравственности, Достоевский специально рассматривал отношения между господином и рабом. Что касается отношений между ними, то самая репрезентативная работа в истории европейской философии по данной проблеме — «Феноменология духа» Г.В.Ф. Гегеля [11]. Обсуждение Гегелем «освобождения рабов» в этом трактате повлияло на позднего Маркса. В конце концов, благодаря посреднической роли последнего, оно оказало влияние почти на половину восточного мира. Но русские политические философы до Октябрьской революции (например, Б.Н. Чичерин, И.А. Ильин и сам А.Д. Градовский) придерживались иного подхода. Для них вопрос о том, можно ли освободить рабов в земной жизни, на самом деле, не являлся главным. Ключевой вопрос — заключался в том, могут ли рабы быть освобождены от своих духовных и моральных шаблонов. Ф.М. Достоевский и А.Д. Градовский дискутировали об этом главным образом на примерах апостола Павла и великого английского драматурга Уильяма Шекспира. Ниже обсудим эти два случая отдельно.

Давайте сначала проанализируем пример апостола Павла. Градовский уверял Достоевского в том, что даже самый высокий уровень личной нравственности не сможет изменить статус-кво крепостничества. Он привёл в пример апостола Павла. По мнению Александра Дмитриевича, тот был великим человеком, добившимся личного нравственного совершенства. Но ни он, ни его учение не смогли отменить рабство в Римской империи. Русский император Александр II никогда не был православным святым, но стал фактическим спасителем русских крестьян, потому что отменил крепостное право. А. Градовский пытался использовать этот факт, чтобы объяснить, что действительно изменить реальность российского общества может только повышение общественной нравственности. Критика А.Д. Градовским Ф.М. Достоевского напоминает критику Пётром Яковлевичем Чаадаевым Русской Православной Церкви в «Философских письмах». П.Я. Чаадаев считал, что РПЦ не только не смогла аннулировать крепостное право, но вместо этого стала теоретическим инструментом его оправдания [12]. Но возражение Достоевского также было справедливым. Он указал:

«Ученик Тимофей прислуживал Павлу, когда они ходили вместе, но прочтите послания Павла к Тимофею: к рабу ли он пишет, даже к слуге ли, помилуйте! Да это именно «чадо Тимофее», возлюбленный сын его» [3, с. 163].

Ф.М. Достоевский признавал, что апостол Павел действительно был святым, добившимся личного нравственного совершенства, но неужели он не внёс никакого вклада в отмену рабства в Римской империи? Нет! Например, Тимофей, ученик апостола Павла, был его рабом. Но апостол Павел никогда не считал его таковым, но всегда — своим сыном. У Достоевского апостол Павел отменяет рабство, наложенное на его ученика Тимофея, с помощью высочайшего духовно-нравственного уровня.

Далее рассмотрим дискуссию Ф. Достоевского и А. Градовского об Уильяме Шекспире. Эта дискуссия, в основном, упоминалась Фёдором Михайловичем. Идеи взаимоотношения Льва Николаевича Толстого, Достоевского и Уильяма Шекспира — важная тема. Л.Н. Толстой, великий русский писатель XIX в., был резким критиком У. Шекспира. Но Ф.М. Достоевский, а затем и Л.И. Шестов были решительными сторонниками Шекспира. Можно сказать, что весь российский идейный и культурный мир до Октябрьской революции разделился на два враждебных лагеря из-за разного отношения

к Шекспиру и его творениям (кроме того, в Российской империи выходило пятитомное «Полное собрание сочинений Шекспира»). Это показывает огромное влияние великого английского писателя на историю русской культуры. Однако Ф. Достоевский приводил в пример У. Шекспира не для подтверждения собственных взглядов, а для продолжения дискуссии с А. Градовским об отношениях между господами и рабами. Фёдор Михайлович писал:

«Он знает, что Шекспир полезнее его бесконечно: «Честь тебе и слава — скажет он ему, — и я рад послужить тебе; хоть каплей и я послужу тем на общую пользу, ибо сохраню тебе часы для великого твоего дела, но я не раб. Именно сознавшись в том, что ты, Шекспир, выше меня своим гением, и придя к тебе служить, я именно этим сознанием моим и доказал, что по нравственному достоинству человеческому я не ниже тебя нисколько и, как человек, тебе равен»» [3, С. 163-164].

Видно, что Достоевский решительно отрицал любую форму рабства, будь то русское или европейское, современное или древнее. Первое, что необходимо уничтожить, дабы освободиться — рабство человеческого сердца. По мнению Фёдора Михайловича, русские интеллектуалы, такие как Градовский, активно работали над отменой только внешнего рабства. Но внутреннее рабство должно быть также уничтожено, согласно известному русскому литератору, путём личного самосовершенствования.

3. Основы общественной нравственности по Ф.М. Достоевскому

Теперь остановимся на общем отношении Ф. Достоевского к общественной нравственности. Как русский религиозный философ, Фёдор Михайлович был невысокого мнения о ней. Он заявлял, что разговоры об общественной нравственности без личной — это болтовня о «муравейнике». Этот образ неоднократно появляется в произведениях Ф.М. Достоевского. Великий русский писатель часто употреблял в своих произведениях термин «муравейник» для обозначения определенного типа человеческого общества, утратившего высшие ценности. В.В. Розанов подробно описал использование Достоевским сего концепта [13]. Фёдор Михайлович писал:

«Но формулы этой люди не знают, люди ищут её все шесть тысяч лет своего исторического периода и не могут найти. Муравей знает формулу своего муравейника, пчела тоже своего улья (хоть не знают по-человечески, так знают по-своему, им больше не надо), но человек не знает своей формулы» [14, с. 165].

Поскольку Ф. Достоевский заявлял, что человеческое общество, утратившее высшие ценности, ничем не отличается от «муравейника», то каким, по его мнению, должно быть настоящее человеческое общество? Русский писатель XIX в. полагал, что общественная нравственность зависит от личной, а личная нравственность — от веры в бессмертие. Ф.М. Достоевский утверждал, что любое общество начинается с этой веры, то есть с религии и морали. Как только национальное государство установит собственную религию и мораль, оно немедленно встанет на путь энергичного развития. И то же самое национальное государство, как только оно утратит свои религиозные и моральные убеждения, сразу же подвергнется коррупции и, следовательно, упадку. Фёдор Достоевский отмечал:

«Откуда же, коли так, взяться идеалу гражданского устройства в обществе человеческом? А следите исторически, и тотчас увидите, из чего он берётся. Увидите, что

он есть единственно только продукт нравственного самосовершенствования единиц, с него и начинается, и что было так испокон века и пребудет во веки веков. При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала её. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью» [14, с. 165].

Известный русский литератор был уверен, что, как только общественная нравственность утратит фундамент личной, она испортится. Видно, что в представлении Достоевского основой русского общества является, прежде всего, личная нравственность, а не общественная, а та подразумевает веру в бессмертие. Достоевский неоднократно указывал в «Дневнике писателя» в октябре и декабре 1876 г., что сия вера является основой выживания человечества, и как только люди потеряют её, они незамедлительно скатятся к психическим срывам и/или даже к самоубийствам [Цит. По: 14, 15]. Четыре года спустя — в 1870 г. — Достоевский ещё раз повторил эту ключевую мысль в «Дневнике писателя». Русский литератор XIX в. отмечал:

«И заметьте, как только после времён и веков (потому что тут тоже свой закон, нам неведомый) начинал расшатываться и ослабевать в данной национальности её идеал духовный, так тотчас же начинала падать и национальность, а вместе падал и весь её гражданский устав, и померкали все те гражданские идеалы, которые успевали в ней сложиться» [3, с. 166].

Эту идею Достоевского можно увидеть в диалоге Ставрогина и Шатова в «Бесах». В этом романе последний утверждал: как только нация утратит представление о существовании Бога и бессмертия, она потеряет и свою национальность. Ставрогин обвинил Шатова в сведении Бога к национальности. Но последний ответил тем, что фактически возвысил национальность до уровня Бога [Цит. по: 2, С. 196-203]. Заметно, что подобные мысли были у Достоевского уже в 1870-х годах. Так ту же идею можно найти и в речи Ивана Карамазова в монастыре в «Братьях Карамазовых» [16]. Иван Карамазов написал статью, в которой рассуждал о «религиозном общественном трибунале» и выступал за замену государства церковью, что фактически было близко к теократической утопии, предложенной Владимиром Сергеевичем Соловьёвым в 1880-х годах. При этом, поступок Миусова, либерального помещика, который устроил смуту в монастыре, нашёл отклик в душе Ивана. Тем самым, можно отметить, что у среднего Карамазова сущностно не было веры в бессмертие души и существование Бога. Именно поэтому, в следующий раз, когда Иван Карамазов появится, он сможет выразить свою теократическую утопию только в форме «бунта» и «Легенды о Великом инквизиторе».

Литература

1. Викторovich В.А. «Схватка с Градовским»: причины и следствия // Неизвестный Достоевский. 2022. Вып. 9(4). С. 231-261.
2. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 10. Л., 1974. 520 с.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1880 год (август) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 129-174.

4. Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. — 600 с.
5. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год (январь-август) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 5-223.
6. Градовский А.Д. Мечты и действительность (По поводу речи Ф.М. Достоевского) // Градовский А.Д. Полн. собр. соч. В 9 т. Т. 6. СПб., 1901. С. 375-383.
7. Ли Сяюй. Проблема «высших личностей» в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. — 198 с.
8. Ли Сяюй, Евлампиев И.И. Проблема «высших личностей» в творчестве Ф. М. Достоевского // Соловьевские исследования. 2021. Вып. 4 (72). С. 119-134.
9. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 6. Л., 1973. 423 с.
10. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 15. Л., 1976. С. 5-197.
11. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Гегель Г.В.Ф. Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 4. М., 1959. 438 с.
12. Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Полн. собр. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1991. С. 320-440.
13. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М., 1996. 699 с.
14. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год (май-октябрь) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 24. Л., 1982. С. 5-162.
15. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год (ноябрь-декабрь) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 24. Л., 1982. С. 5-65.
16. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 14. Л., 1976. 508 с.